

НИГЕРИЯ

ЛАГОС

Свое название Лагос получил в 1472 году от португальцев, которых привлекала глубоководная и хорошо защищенная от океанских волн лагуна.

В период гражданской войны, охватившей всю страну йоруба в начале XIX века, Лагос стал одним из главных пунктов на побережье, через который велась торговля рабами в Западной Африке. В 1841 году он был аннексирован Англией и получил название «колония и протекторат Лагос».

Особенно бурно город стал расти после второй мировой войны, тогда в Лагосе были возведены многие административные здания, школы, больницы, банки. Сейчас также ведется широкое строительство. Стоящие в лесах корпуса новых фабрик и заводов, растущие на глазах дома из стекла, алюминия и бетона, новые широкие улицы — таков Лагос сегодня.

В настоящее время Лагос — один из крупнейших городов Тропической Африки, население его превышает миллион человек. Здесь живут представители многих этнических групп (все-го их в Нигерии насчитывается свыше 230), и это важная черта в жизни многонациональной страны, где межплеменные противоречия еще довольно сильны. Город подает пример формирования единой нигерийской нации.

Лагос — не только столица федеративной республики и одноименный самостоятельный штат страны, но и самый развитый в промышленном отношении город. Здесь сосредоточены предприятия обрабатывающей промышленности, мясоконсервные заводы, обувная и мебельная фабрики, предприятия по производству строительных материалов. Более ста лет Лагос является крупнейшим портом Нигерии. По оценке нигерийских экспертов, через порт Лагоса Апапа в 1973 году прошло 80 процентов экспортных и импортных товаров.

Лагос — культурный центр страны. В городе имеется университет, много библиотек, кинотеатров, спортивных сооружений. В живописном парке расположен Национальный музей Нигерии, обладающий прекрасной коллекцией произведений нигерийского искусства.

Город раскинулся на берегу лагуны и на островах Лагос, Виктория, Икойи, соединенных с материковой частью мостами. Южная часть остро-

ва Лагос — самый старый, самый живописный район города. Приземистые дома, узкие улицы без тротуаров, крохотные магазинчики и базары. На севере же находится центр деловой и политической жизни страны. Здесь размещены банки, торговые конторы, большинство правительственных учреждений.

Икойи является основным жилым районом. На острове Виктория расположены многие дипломатические представительства, телецентр.

КАНО

Кано, расположенный на Севере Нигерии, столица одноименного штата федеративной республики. Сейчас в Кано проживает 295 тысяч человек.

Ранняя история Кано еще мало изучена, однако достоверно известно, что первое поселение хауса в окрестностях холма Далла (один из районов старого города) появилось в X—XI веках. Существует много легенд о происхождении города Кано и его основателях. Согласно одной из них, охотники, которые в поисках дичи пришли с севера и поселились на холме Далла, оставшись без вождя, обратились за помощью к правителю соседнего государства Даура. Тот направил в город одного из своих сыновей по имени Сын Якано. Став вождем, он уничтожил святыни города, за что был убит жителями. Тем не менее город назван его именем. Эта легенда в определенной мере соответствует историческим фактам. Фулани, которые в XV веке начали проникать в северную часть нынешней территории Нигерии из Томбукту,несли с собой ислам, который в настоящее время является доминирующей религией на севере страны.

С тех времен в городе сохранилось множество исторических памят-

ников. Это прежде всего городская стена, которая и в настоящее время опоясывает старую часть города; Гидан Макама — резиденция одного из правителей Кано Рамфа, где сейчас расположен музей. Рамф основал сохранившийся до наших дней и известный далеко за пределами Нигерии сити маркет — городской базар. Он по-прежнему остается самым большим базаром в Африке, собирающим одновременно до 20 тысяч торговцев и покупателей. Хорошо вписывается в пейзаж старого города и построенная в 1949 году мечеть с двумя минаретами.

Кано с давних времен является центром по переработке земляных орехов, которые, не считая нефти, до сих пор остаются основным продуктом экспорта Нигерии. 1000-километровая железная дорога, соединяющая Кано со столицей Нигерии Лагосом, построенная еще в 1911 году, в основном предназначалась для доставки орехов к морю, откуда их увозили в различные страны мира. В настоящее время основная часть орехов перерабатывается на масло на местных предприятиях.

Кроме орехового масла здесь также производят текстиль, молочные продукты, табак. Штат Кано — крупнейший поставщик мяса и шерсти в стране. Тут насчитывается свыше 800 тысяч голов крупного рогатого скота и около двух миллионов овец. Всего на 130 промышленных предприятиях города занято свыше 25 тысяч рабочих.

Железная дорога и современные шоссе связывают город со всеми уголками Нигерии и соседними странами. В Кано расположен один из крупнейших международных аэропортов Западной Африки.

В. КОСЕНКО

Нефть с морского дна

Поиски нефти в шельфах Африки ведут многие страны континента, среди которых видное место занимает Нигерия, вошедшая недавно в первую десятку нефтедобывающих стран мира. Морская нефть, по подсчетам специалистов, должна сыграть весьма значительную роль в нефтяном балансе страны. В 1973 году страна получила более 100 миллионов тонн нефти. Чтобы оценить темпы развития нефтяной промышленности страны, достаточно сказать, что в 1968 году здесь было добыто всего 7,3 миллиона тонн «черного золота», а за десятилетие независимости — с 1960 по 1970 год — добыча возросла в 50 раз. Эти цифры и приведены на нигерийской марке.

Благодаря открытию прибрежных месторождений нефти в число нефтедобывающих стран Африки в ближайшие годы войдут также Дагомей, Конго, Заир и Гана.

Ю. КЛЕЙНЕР, Л. ЭГЕЛЬ

Книга по актуальной проблеме

СОВРЕМЕННЫЙ этап национально-освободительного движения характеризуется начавшимся процессом перерастания борьбы национальной в борьбу социальную — против гнета и феодального, и капиталистического.

В идейно-политической сфере этот процесс находит свое яркое отражение в постепенном переходе лучшей части революционной демократии на позиции марксизма-ленинизма, в растущей популярности идей научного социализма в массах трудящихся развивающихся стран.

Однако некоторые мелкобуржуазные идеологи и политические лидеры национально-освободительного движения выступают с предложениями дополнить марксизм национализмом, найти ту или иную форму соединения марксизма и национализма в единую идейно-политическую систему и на этой основе приступить к строительству нового общества. Правонационалистические деятели, со своей стороны, противопоставляют национализм марксизму как основную идейно-политическую альтернативу прогресса. Характерно также, что как империализм, так и маоизм видят в национализме своего главного идейно-политического союзника, стремятся найти в силах, выступающих под лозунгами национализма, свою главную опору в борьбе против идеологии марксизма, против мирового социализма.

В этих условиях проблема определения сущности и роли национа-

лизма в развивающихся странах, сравнительного анализа марксистских и националистических взглядов и политики по жгучим вопросам современности становится весьма актуальной. Этой проблеме посвящена изданная Политиздатом книга «Современное революционное движение и национализм».

Спектр проблем, рассматриваемых в книге, многогранен и не ограничивается лишь рамками развивающихся стран. Социальные корни национализма, его психологические основы, использование его в стратегии и тактике империализма, характеристика исторических разновидностей национализма, выявление их политической роли в различных регионах мира на различных этапах развития мирового революционного процесса — все эти сложные явления и процессы являются предметом изучения авторов книги. Исследователи освещают целый ряд аспектов социально-психологической сущности и идейно-политической роли национализма. Особый интерес представляют разделы работы, посвященные изучению роли национализма в зоне национально-освободительного движения.

Весьма интересно обращение авторов к анализу определения понятия «национализм». Исследователи приходят к выводу, что «национализм есть противостоящие пролетарскому интернационализму психология, идеология, политика и социальная практика обособления своей социально-этнической общности, враждебного отношения к другим общностям, проявляющиеся в различных исторических разновидностях, отвечающие в конечном счете интересам эксплуататорских классов и ведущие к ослаблению трудящихся масс в борьбе со своими классовыми врагами».

Национализм есть специфическая, классово-определенная форма проявления национальных интересов, но вовсе не идентичная им. «Сущность любой исторической разновидности и формы национализма есть извращение, абсолютизация национального момента в классово-эгоистических целях».

В этой связи авторы монографии вводят (по существу, впервые в марксистской социологии и политике) четкое разграничение между понятиями «национальное» и «националистическое». Наличие нерешенных национальных проблем в развивающихся странах — объективный реальный факт, в значительной мере определяющий политическое содержание революционного движения народов этих государств на современном этапе. Другое дело, что борьба за решение этих проблем, ведущаяся под руководством пролетарских сил, нередко приобретает националистический характер, то

есть характер идеологии и политики тех или иных национальных групп местных эксплуататорских классов. Решение национальных проблем — исторически назревшая прогрессивная объективная необходимость. Однако попытки решить их на националистической основе приобретают все более ограниченный и даже реакционный характер по мере дальнейшего развития и углубления революционного процесса.

Вот почему советские исследователи разоблачают попытки буржуазных и мелкобуржуазных идеологов отождествить национально-освободительное движение и национализм, национальные интересы с идеологией и практикой национализма.

Большой интерес представляет данная в монографии характеристика современного этапа развития африканского национализма. Завоевание политической независимости стало тем водоразделом, который обозначил большие изменения в социальном содержании и формах проявления национализма на континенте. До этого периода национализм был формой мобилизации многомиллионных масс на борьбу с иностранными угнетателями и играл, таким образом, в основном положительную роль. После достижения политической независимости национализм более не может быть адекватным выражением интересов народных масс в масштабах отдельных государств и всего континента в целом.

Ныне национализм становится идейно-политическим орудием в руках местных буржуазных и мелкобуржуазных сил в борьбе как против империализма, так и в растущей степени против социалистических устремлений трудящихся. Прогрессивный элемент национализма сохраняется лишь в той мере, в какой буржуазные слои молодых государств выступают с антиимпериалистических позиций. Однако этот буржуазный и мелкобуржуазный антиимпериализм является весьма ограниченным и непоследовательным. Национальная и мелкая буржуазия все чаще проявляет склонность к союдам с империализмом и маоизмом. Соответственно, в африканском национализме во все большей степени развиваются реакционные черты и тенденции. Характерными особенностями африканского национализма становятся его персонализация, значительное влияние религиозных и мессианских идей.

Разрабатывая свою стратегию и тактику в отношении африканского национализма, марксисты подчеркивают, что в этом идейно-политическом течении проявляются и углубляются два основных направления его дальнейшей эволюции. Первое определяется переходом лучшей части революционной демократии от

национализма к марксизму; другое — переходом буржуазных и части мелкобуржуазных сил от антиимпериалистического национализма к буржуазному национализму и сотрудничеству с империализмом на общеклассовой основе борьбы против рабочего и коммунистического движения. В реальной жизни можно видеть переплетение и борьбу этих двух тенденций. Всей своей деятельностью марксисты стремятся обеспечить победу революционно-демократической тенденции в национально-освободительном движении. Они ведут последовательную борьбу как против недооценки, так и против переоценки роли национальных факторов в революционном движении. Они проводят принципиальное различие между национальными интересами и националистической идеологией и политикой. Проявления национализма в коммунистическом движении рассматриваются марксистами как ничем не оправданный отход от принципов пролетарского интернационализма.

Г. УСОВ,

кандидат экономических наук

Становление независимого Алжира

ЖЕРАР Шальян и Жюльетт Мэнс — авторы книги «Независимый Алжир. (Итог национальной революции)», вышедшей в Париже, принадлежат к числу тех прогрессивных современных исследователей Алжира, которые всесторонне рассматривают достижения революционно-демократического режима. Авторы проявляют озабоченность перспективами развития Алжира, трудностями, возникающими в молодом независимом государстве при решении острых политических и экономических проблем в интересах широких народных масс. Именно в этом аспекте рассматриваются такие вопросы, как социалистический выбор и самоуправление, экономика и алжирское общество, государственное строительство после 1965 года, политическая консолидация, индустриализация, сельское хозяйство, занятость и кадры.

Авторы прослеживают основные этапы национально-освободительного движения Алжира до провозглашения независимости и констатируют почти полное господство европейцев в администрации накануне освободительной войны — один из итогов многолетней колонизации страны французским империализмом.

Авторы подчеркивают, что важным завоеванием алжирской революции явились мартовские декреты 1963 года, которые помогли значительно упрочить национальный режим. Произошел быстрый рост самоуправляемого сельскохозяйственного сектора.

Интересные наблюдения сделали авторы, обратившись к социально-классовой структуре алжирского общества в постколониальный период. Так, на 1 января 1964 года алжирское население составляло 10,5 миллиона человек. Примерно треть населения Алжира — горожане. Авторы приводят данные, характеризующие социальную структуру сельского и городского населения, анализируют процесс формирования новой элиты и бюрократии.

Шальян и Мэнс указывают на крайне слабые позиции представителей левой крыла алжирского национально-освободительного движения в госаппарате. Основная масса чиновников мелкобуржуазного происхождения склонялась к определенным колебаниями к созданию сильного государственного сектора и системы государственного капитализма. После массового отъезда европейцев правительство начало интенсивно привлекать в госаппарат алжирцев, ранее входивших во французскую колониальную администрацию (этот процесс протекал без должного политического контроля со стороны ФНО), а также иностранных специалистов в рамках культурно-технического сотрудничества.

Согласно приведенным в книге официальным источникам, административные кадры в первые годы независимости распределялись по следующим категориям: французский персонал в рамках сотрудничества — 13 729 человек, алжирские кадры, прошедшие службу в колониальном аппарате, — 22 182 человека, кадры ФНО — 34 097 человек. Причем первые две категории не только преобладали численно, но и занимали ключевые позиции в высшем звене административного аппарата, оказывая негативное воздействие на общий процесс национально-демократического развития страны.

Авторами проведен анализ внутриполитической борьбы в Алжире после завоевания независимости. Правда, исследователи несколько увлекаются рассмотрением роли отдельных личностей. Престиж личной власти, бесспорно, важный фактор. Однако доминирующую роль играли стоявшие за этими личностями и учреждениями различные социальные слои. Так, например, правое крыло ФНО, вопреки интересам широких масс трудящихся, стремилось реорганизовать партию на базе традиционных социальных сил — зажиточного крестьянства, мелкой и

средней буржуазии, верхушки средних слоев, подчинить деятельность правительства более консервативным силам. На этой основе обострилась борьба за выбор пути социально-политического и экономического развития страны.

Обращаясь к политическому перевороту в июне 1965 года в Алжире, авторы отмечают, что армия в тот период отражала интересы в основном неэксплуататорских слоев населения страны. Шальян и Мэнс анализируют основные причины успеха относительно быстрого и неожиданного переворота. Серьезные трудности, просчеты и неудачи в экономике, чрезмерное увлечение политикой в ущерб хозяйственному и культурному строительству, саботаж буржуазии, элиты и бюрократии, безработица и низкий жизненный уровень трудящихся, непоследовательность руководства ФНО во внутренней политике, особенно когда речь шла об опоре на широкие народные массы и передовые революционные силы, нерешительность профсоюзного руководства, авторитарные тенденции в осуществлении президентской власти — это те факторы, которые объективно способствовали июньскому перевороту 1965 года в Алжире.

Авторы отмечают определенные успехи правительства Бумедьена в политике индустриализации и национального накопления, в укреплении экономической независимости в результате проведения антиимпериалистического курса. Значительный прогресс достигнут в «алжиризации» кадров: к 1967 году французский персонал в административном аппарате страны сократился по сравнению с началом 50-х годов примерно в 39 раз.

Книга представляет несомненный интерес для исследователей-востоковедов, специалистов-международников. В ней сжато охарактеризованы основные этапы истории современного Алжира, важнейшие проблемы его развития. В работе содержатся ценные цифровые данные, основанные на официальных источниках.

А. КУПРИН

Крушение индийских экстремистов

СОТРУДНИК Делийского института конституционных и парламентских исследований Дж. К. Джохари в своей работе «Политика накали-тов в Индии» рассматривает деятельность ультралевых элементов в Ин-

J. C. Johari. Naxalite Politics in India, New Delhi, Research Publications, 1972, 188 pp.

дии, оказавшихся в плену демагогической фразеологии Пекина.

В отличие от других исследователей, уже затрагивавших проблемы индийского наксализма, Джохари, прежде всего, стремится использовать новые или мало известные документы. Он обработал и проанализировал богатый фактический материал: протоколы, резолюции и другие документы различных экстремистских организаций, речи и высказывания таких лидеров, как Чару Мазумдара, Кану Саньяла, публикации основного печатного органа наксалитов — журнала «Либерејшн», а также же индийской прессы.

Работа посвящена исключительно важному периоду в политическом развитии Индии, когда ряд факторов, как объективных, так и субъективных создали определенную почву для распространения теории и практики маоизма в этой стране.

Сложную внутривнутриполитическую обстановку в Индии в 60-е годы пекинское руководство использовало для активизации своей подрывной деятельности против индийского правительства, чья прогрессивная внешняя политика являлась серьезным препятствием на пути установления Пекином своей безраздельной гегемонии в афро-азиатском мире. Оно стало непосредственно вмешиваться во внутренние дела Индии. Пекинские маоисты поощряли шовинистические, буржуазно-националистические силы, сепаратистские устремления вождей племен мизо и нага, открыто нападали на внешнюю и внутреннюю политику правительства, вмешивались в дела Коммунистической партии, а также провоцировали вооруженные конфликты на совместных границах.

Провокационная деятельность Пекина тяжело отразилась на коммунистическом движении в Индии.

В 1964 году произошел раскол КПИ. В созданной раскольниками Параллельной компартии сформировалось крыло наиболее рьяных приверженцев идей Мао Цзэ-дуна. Руководствуясь ошибочными положениями маоистской платформы о существовании постоянной революционной ситуации в азиатских странах, о вооруженной борьбе как единственной форме захвата политической власти, они стали добиваться проведения партией воинственного курса, нацеленного на организацию вооруженного восстания, отвергающего любые формы парламентской борьбы.

Эти ультралевые элементы использовали в 1967 году движение сельскохозяйственных рабочих и безземельных крестьян за землю в районе местечка Наксалбари в штате Западная Бенгалия, придав этому движению характер вооруженной борьбы. Позднее название Наксалбари стало синонимом вооруженных

выступлений экстремистов и в других штатах страны — Андхра-Прадеш, Ориссе, Бихаре, Керале, а участников этих выступлений стали называть наксалитами.

Автор книги, к сожалению, лишь вскользь касается этой столь важной предыстории индийского наксализма, сосредоточивая основное внимание на событиях 1967 года и последующем развитии этого движения.

На конкретных фактах он показывает, что экстремисты в рядах Параллельной компартии готовились к вооруженной борьбе в штате Западная Бенгалия задолго до того, как в марте 1967 года там было сформировано коалиционное правительство. Уже в конце 1966 года специально созданные ими в сельской местности крестьянские комитеты собрали большое количество оружия, а их члены прошли обучение маоистским методам ведения партизанской войны.

Джохари пишет, что наксалиты в действительности стремились не к облегчению положения крестьян, а хотели использовать их недовольство в своих интересах. «Наксализм», — подчеркивает Джохари, — это политическое движение, ставящее своей целью захват государственной власти».

На основе глубокого анализа документов ультралевых организаций он убедительно показывает, что теоретический фундамент индийского наксализма лежит в идеях маоизма. «Переосмысление принципов марксизма-ленинизма», — делает вывод Джохари, — в свете конкретных индийских условий и их воплощение по китайскому образцу является отличительным признаком этого ультрареволюционного течения».

Заверения в преданности идеям Мао стали среди наксалитов чуть ли не главным мерилом подлинной революционности. Так, в одной из наксалитских резолюций прямо указывалось, что «отказ признать учение Мао Цзэ-дуна в наши дни равносителен отказу от марксизма-ленинизма».

Не случайно весь набор маоистских концепций, начиная с теории «народной войны» и кончая нападками на КПСС, Советский Союз, страны социалистического содружества, перекочевал и в политический багаж созданной наксалитами в 1969 году так называемой Коммунистической партии Индии (марксистов-ленинцев).

Основной силой революции наксалиты считали крестьянство. Они слепо следовали маоистским догмам, которые выдавались Пекином за «классический маоизм» или применение общих принципов марксизма-ленинизма к национальным условиям.

«Аграрная революция», осуществляемая безземельными крестьянами и отсталыми местными племенами с использованием тактики партизан-

ской войны, являлась, по мысли наксалитов, единственным путем к захвату власти и установлению тоталитарного режима по китайскому образцу», — подчеркивает Джохари.

Джохари далее показывает в своем исследовании, что индийский наксализм не был монолитным течением. В его руководстве, как он отмечает, отсутствовала единая точка зрения в вопросах тактики, а теоретические взгляды были весьма противоречивы. Наксалиты Бихара, Джамму и Кашмира выступили против линии Чару Мазумдара, абсолютизовавшего вооруженную борьбу и тактику индивидуального террора, лидеры наксалитов в штате Андхра-Прадеш считали необходимым проводить работу в профсоюзных, крестьянских и других массовых организациях, допускали участие наксалитов в деятельности буржуазных парламентских институтов.

Уже вскоре после провозглашения КПИ (м-л) в ее рядах оформилась сильная оппозиция. Была даже создана, по словам Джохари, параллельная организация под названием «Региональный комитет КПИ (м-л) Западной Бенгалии, Бихара и Ориссы». Фракционная борьба привела к расколу ряда штатовских партийных организаций на мелкие самостоятельные группировки и исключению в 1971 году из рядов партии ее основателя и председателя Чару Мазумдара. На его место был избран Ашим Чаттерджи. Как показывает Джохари, эта замена произошла не без вмешательства пекинского руководства, которое помогло убрать со сцены архиепископа лидера в тот момент, когда само начало круто менять внешнеполитический курс, переходя от нападок на империализм к заигрыванию с США.

Джохари убедительно демонстрирует, как слепое выполнение авантюристических установок маоистов привело индийских наксалитов к политическому фиаско. Народ разочаровался в наксалитах, увидев в их действиях лишь акты вандализма и бандитизма.

К 1972 году большинство наксалитов или погибло в стычках с правительственными войсками, или оказалось за решетками тюрем, а оставшиеся на свободе продолжали свою деятельность в полной изоляции от народа.

Крах наксализма обусловила и новая политическая ситуация, сложившаяся в стране после раскола в 1969 году правящей партии ИНК. Выход из конгрессиистской организации реакционной группировки партийных боссов и их сторонников явился крупным поражением индийской реакции, позволил премьер-министру Индире Ганди провозгласить программу коренных социально-экономических преобразований в стране.